

*Занимательные и поучительные истории,
небылицы и стихи, сочинённые
в омаровой дудке на острове Телголанд
моим прадедушкой и мной для детей всех возрастов,
прилежно записанные Джеймсом Крюсом
и украшенные многочисленными рисунками*

в который читатель познакомится с моими сестрицами Аннекен и Йоханнекен, с Верховной бабушкой, прадедушкой и со мной. Речь пойдёт об алфавитной поэзии, мы услышим два первых стиха. Глава содержит много чего полезного — про алфавит, про то, как мы говорим, и что делать человеку, если у него сломался каблук

Мой прадедущка был очень мудрый. Когда ему исполнилось шестьдесят пять лет, он вытащил на берег лодку и ловушки для омаров — прадедущка всю жизнь занимался ловлей омаров — и засел в своей мастерской. Теперь он вытачивал на токарном станке игрушечные волчки и мастерил детские стишки. Согласитесь, что мой прадедущка поступил очень мудро.

В моё время (точнее сказать, когда мне пошёл одиннадцатый год) прадедущке было уже восемьдесят четыре. Но он по-прежнему мастерил и вытачивал, правда больше стишки, чем волчки.

Прадедущка жил в верхней части острова Гельголанд* у своей дочери — моей бабушки, которую я называл Верховной бабушкой, потому что дом её был на горé, на верхушке Гельголандской скалы.

Другая моя бабушка жила внизу, у подножия скалы, и поэтому называлась Низинная. Но о ней я расскажу чуть позже. Сперва речь пойдёт о Верховной бабушке, у которой жил мой прадедущка.

Итак, их дом стоял наверху, на улице под названием Трафальгарштрассе. Но прадедущка целыми днями просиживал в своей мастерской, «омаровой будке», как мы её называли. Будка располагалась совсем рядом с домом, через дорогу напротив. При каждой удобной возможности я туда прибегал, и мы с прадедущкой сидели и сочиняли — мастерили не волчки, а стишки.

Два года назад, когда мне было восемь, меня отпустили с прадедущкой к маяку на Омаровых рифах. Я провёл там целую неделю, слушая всякие истории.

И вот теперь, когда мне исполнилось десять, меня ждала новая неделя, полная историй. Дело в том, что мои сестрицы, Аннекен и Йоханнекен, обе вдруг заболели корью. Болезнь, конечно, противная, но, когда температура у девочек прошла, да и вообще всё прошло, Аннекен с Йоханнекен даже нашли в этой кори немало приятного. В школу ходить не надо, играй себе день-деньской в куклы да лопай конфеты, которыми тебя то и дело угощают соседи и родственники...

Но кому больше всех повезло с этой корью, так это мне. Чтобы я не подхватил заразу, меня на время переселили.

* Гельголанд — небольшой остров в Северном море, в разное время принадлежавший Дании, Великобритании; в конце XIX века он отошёл к Германии. Писатель Джеймс Крюс — уроженец Гельголанда. *(Здесь и далее прим. ред.).*

Так я переехал на Трафальгарштрассе к Верховной бабушке.

— Привет, Малый! — вскричал Старый, когда я вошёл со своими пожитками. — Надумал сменить корабль?

(Старый был не кто иной, как мой прадедущка, а Малый — я. Дело в том, что и его, и меня — каждого в своё время — прозвали Малышом. А потом, чтобы отличить друг от друга, стали звать Старый Малыш и Малый Малыш. А потом, для краткости, просто Старый и Малый.)

— Так точно, капитан! — отрапортовал я, вскинув левую руку к шапке с помпоном.

— Честь отдают правой рукой, — заметил прадедущка. — Да и какой я капитан. Вон он, наш капитан, — в дверях стоит.

Он указал на Верховную бабушку, а та сердито затрясла головой и проворчала: «Глупости!»

Верховная бабушка, которая жила на верхушке скалы, была женщина строгая. С тех пор как мой Верховный дедушка, бабушкин муж, купил настоящий моторный катер и стал гонять на нём с острова на материк и обратно, характер у бабушки совсем испортился.

— Одно разорение с этим катером! — сказала она однажды, когда мы после обеда сидели втроём на кухне. — На старую лодку мы почти ничего не тратили. Моток каната, две-три доски, пара вёдер краски, кусок парусины — и живи себе целый год, не зная забот. А сейчас! Боже правый! Каждый месяц уходит целое состояние.

— Зато у вас и дохода впятеро больше, — весело засмеялся прадедушка.

— Дохода?! — воскликнула Верховная бабушка. — О каком доходе ты говоришь, если я каждую марку, которую дед мне приносит, сразу трачу на провизию? Что за обжора завёлся на этом катере, который мигом уничтожает все эти горы еды?! Семьдесят семь корабельных чертей наелись бы до отвала!

— Ой-ой-ой, — шепнул мне на ухо Старый. — Если бабушка вспомнила про семьдесят семь чертей — это надолго... Сматываем удочки, Малый!

Прадедушка встал и сказал:

— Пойду-ка я, Маргарита, точить-мастерить. И парнишку возьму с собой.

— Ну и скатертью дорожка! — проворчала Верховная бабушка. — Всё равно от вас никакого проку... Все вы, мужчины, одинаковы. Иди-иди, учи мальчонку бездельничать — в этом деле ты мастер.

Когда старики препирались, я никогда не вмешивался.

— Пока, бабуля! — сказал я и прошмыгнул вслед за прадедушкой к выходу.

— Если хотите кофе с горячими плюшками — чтоб к четырём были дома! — прогремело нам в спину. — Я в ваш Содом и Гоморру ни шагу не сделаю!

— Что такое содомыгоморра? — спросил я прадедушку.

— Это, Малый, такие два города, где всё было вверх тормашками, — прозвучало в ответ. — Про это есть в Библии.

— А чего Верховная вдруг про них вспомнила?

— Да это она про мою мастерскую... Надевай, Малый, шапку. Давай-ка через улицу перейдём.

На острове всегда было ветрено, а нашу Трафальгарштрассе вообще продувало насквозь — ветер дул сюда прямо с моря, не встречая препятствий.

Осенью, когда на наш остров налетал штормовой норд-ост, в узеньких переулках так задувало, что мальчик моего роста мог спокойно опереться на струю воздуха — и не упасть.

Правда, сегодня было терпимо, погода, несмотря на конец сентября, стояла довольно тихая. Но всё равно, пока мы с прадедушкой переходили через дорогу (это ровно четыре шага) и входили в омаровую будку, щёки у меня запылали от ветра.

Я сразу же устремился по маленькой деревянной лесенке наверх, на второй этаж, в мастерскую, где стоял токарный станок.

— Полный назад! — крикнул прадедушка. — Остаёмся внизу!

— Да я только пару волчков возьму покрутить! — крикнул я, карабкаясь по ступенькам.

— Осторожно! Там Кожаная Лизбета!

— Кожаная Лизбета?! — Я испуганно попятился вниз.

— Ты ведь знаешь, что наша лодка на берегу, — сказал прадедушка. — А пока лодка на берегу, Кожаная Лизбета обитает в омаровой будке. Верно?

— Ага, — кивнул я. И живо спустился вниз.

Вообще-то, в Лизбете не было ничего такого ужасного. Обычная кукла, сшитая из обрезков кожи. Просто очень большая, в человеческий рост. Когда-то прадедушка за немалые деньги купил её на знаменитой гамбургской ярмарке. Много лет она пролежала в кубрике его лодки, которая, разумеется, тоже называлась «Кожаная Лизбета». Кукла была чем-то вроде покровительницы лодки, уважаемой личностью. Но взрослые любили пугать Лизбетой детей, рассказывать про неё всякие страшные истории. Поэтому мы её побаивались. И единственный, кто никаких страшилок никогда не рассказывал, — это прадедушка. «Глупости, — говорил он. — Кукла как кукла, и нечего тут придумывать».

Но сейчас, когда я стоял на лестнице, он решил меня припугнуть. И я сразу понял зачем: он хочет заманить меня в каморку, где стоят ловушки для омаров. Ведь если я заберусь в мастерскую, вытащить меня оттуда будет непросто.

Итак, я проследовал за прадедушкой в каморку, где стояли большие корзины из дерева и каната. Круглые и четырёхугольные, они доходили мне тогда до самой груди. Это и были ловушки для омаров. На длинных верёвках их опускают на дно и оставляют там на ночь. По этим верёвкам их утром легко найти. Дело в том, что на верёвки нанизаны пробковые поплавки. Издалека похоже на бусы из тёмных тминных булочек. «Бусы» крепятся к большому круглому поплавку, который качается на воде и на котором развевается пёстрый флажок.

За свою жизнь Старый изготовил немало таких ловушек. Когда в непогоду они ломались, он их чинил. Помещение, где прадедушка их делал и ремонтировал, мы называли «нашей каморкой». В каморке-то мы и расположились.

— Садись, Малый, на пробку! — скомандовал прадедушка.

Я уселся на сложенные в кучу пробковые бруски. Из них вырезают «тминные булочки» для верёвок, на которых подвешены ловушки. Прадедушка взял брусок, прислонённый к стене, достал короткий широкий ножик, стал вырезать поплавки и кидать их в бельевую корзину.

— Я обещал Хромому Кришону настругать целую корзину, — сказал он. — Давай между делом болтать, а если хочешь — сочинять в рифму.

— Хочу!

— Для начала я расскажу тебе одну историю, — сказал прадедушка. — А когда захотим отдохнуть — можно и в рифму. Ты ведь хочешь послушать историю?

Ещё бы я не хотел! Мой прадедушка — большой мастер по части рассказывания историй.

Для начала он спросил, известно ли мне настоящее имя Хромого Кришона. Я ответил, что нет. Почти всех жителей нашего острова я знал только по прозвищам.

— Вообще-то, Хромого Кришона зовут Кристиан Бродерс. Но вот уже сотню лет всё их семейство называют «Хромые». А знаешь почему?

— Нет, не знаю.

— Хорошо. Вот послушай мою историю, и узнаешь.

И прадедушка стал рассказывать.

Йонатан Бродерс промышлял ловлей омаров и всё время, сколько его помнили на острове Гельголанд, прихрамывал и заикался. По этой причине он сторонился людей и бывал только рад, когда его оставляли наедине с его лодкой.

Однажды в мае, когда Йонатан, наловив омаров, соби-
рался уже возвращаться домой, посреди открытого моря
до его ушей вдруг донёлся жалобный плач. Рыбак сложил
ладонь козырьком — чтобы солнце не слепило глаза —
и разглядел где-то там, вдалеке, струящийся по воде длин-
ный чёрный хвост. Больше похоже на морского змея, чем
на человека... Но Йонатан не верил в морских змеев. Недолго
думая он развернул лодку и погрёб к чёрному хвосту.

Вскоре он разглядел, что это плывёт по волнам брев-
но, и очень обрадовался: деревья на острове Гельголанд мало
и стоит оно недёшево.

Но чем ближе Йонатан подплывал к бревну, тем громче
слышался жалобный зов. Рыбак сидел на вёслах, спиной
по ходу движения, поэтому ему пришлось обернуться —
и тут он вдруг с ужасом увидал, как из воды вынырнула

